

ПО ТУ СТОРОНУ *от тебя*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС Д

18+

Алекс Д
По ту сторону от тебя
Серия «Любовь и драма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42668283

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда нам девятнадцать, мы не думаем, что девочка, которую мы целуем сегодня, возможно, единственная из всего мира способна дотянуться до сердца, согреть его и забрать – незаметно, неумолимо. Мы уходим, глядя за горизонт, не оглядываясь, не сомневаясь, уверенные, что там, в будущем, нас ждут новые победы и свершения, красивые женщины и успех. Но только эта девочка из вчера, из крошечного убогого города не перестает жить в нашем сердце, и не имеет никакого значения, сколько пройдет лет – ничего не изменится. Она будет там. Но уже не моя.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	56
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог

– Это просто летний роман.

– Нет, это беда!

Николас Спаркс, «Дневник памяти»

Москва

Мария

– Что ты тут делаешь? – Марк удивленно смотрит на меня, приоткрыв дверь. Хорошо, что он снимает квартиру, а не живет в общежитии. Было бы неловко приехать под вечер и в таком растрепанном виде предстать еще перед несколькими незнакомыми парнями. Я глупо улыбаюсь, не веря собственному счастью. Я вижу его. Боже, три месяца прошло. Как целая вечность. Мое сердце отчаянно колотится, заглушая разум. Я все смотрю и смотрю, отмечая каждую деталь. Густые ресницы, четко очерченные брови, чувственный рот, ссадина на щеке. Куда же без синяков и ушибов. Неугомонный Марк.

– Маша, прекрати улыбаться, как идиотка. Зачем ты приехала? – Холодный тон немного отрезвляет меня, но я еще во власти эйфории. Безумно, бездумно, бесконечно счастлива. Я вижу его глаза, растрепанную шевелюру, сильные му-

скулистые руки, придерживающие дверь. Все тот же Марк. Только выражение глаз другое; чужое, отстраненное, с примесью раздражения. Я бледнею, ощущая, как на смену любовной горячке, приходят ледяной страх и смущение.

– Извини, я думала... – лепечу растерянно.

Марк сердито передергивает плечами и, схватив за руку, грубо затаскивает в квартиру. Хлопнув дверью, иронично рассматривает меня с головы до ног. Я сбежала на вокзал сразу после занятий в школе. На мне поношенное серое приталенное пальто, из-под которого виден подол клетчатой юбки, кожаные ботиночки без каблука, школьный рюкзак и пакет со сменной обувью. Волосы заплетены в простую густую косу. Но зато я накрасила губы и ресницы, пока ехала в поезде.

В глубине его глаз я вижу вспыхивающие смешинки и чертики. Это мой Марк. Он любит подтрунивать надо мной по любому поводу.

– Мама в курсе, что ты здесь? – его тон все также неумолимо холоден.

Я потерянно переминаюсь с ноги на ногу, пока он грозно возвышается надо мной.

– Маленькая дурочка, – Марк качает головой, в его взгляде бесконечно сожаление. – Давай, раздевайся.

Он помогает снять мне шарф и пальто. Потом я плетусь за ним на кухню. Квартира чистая и уютная. Удивительно, что девятнадцатилетний парень поддерживает свой дом в поряд-

ке. Как у него на все времени хватает? Хотя эту задачу мне не решить никогда. Марк – вундеркинд. Самый, что ни на есть, настоящий.

Только выглядит он не как чахлик-ботан в очках, а как модель для рекламы мужского нижнего белья. Пока я тихонечко пью свой горячий чай с засушенным пирожным, Марк сосредоточено изучает что-то в своем ноутбуке, полностью игнорируя меня.

– Почему ты злишься? – спрашиваю я, не выдержав напряжения. Марк бросает на меня раздраженный взгляд.

– Потому что ты – глупая маленькая девочка. Я думал, что мы все решили! Отец явно дал понять, что если мы не прекратим, то меня ждут крупные неприятности. И у меня нет оснований ему не верить. Он выкинул меня из дома, лишил материальной поддержки, запретил приезжать домой даже на каникулы. И ты считаешь, что после всего этого, я буду счастлив тебя видеть? Ты серьезно? – он вскидывает бровь, и я вся сжимаюсь под этим обвиняющим взглядом. Мне ужасно стыдно, по моим щекам текут слезы, которые я не в силах сдержать.

– Я поеду домой, – потеряно бормочу я, пытаюсь встать. Он хватается меня за руку, рывком заставляя сесть на место.

– Сидеть! Домой она поехала. Следующий поезд до Твери только в семь утра. Ты понимаешь, что еще больше усложнила ситуацию? Они подумают, что мы тут черт знает чем занимались! Тебе не пять, ты должна хоть немного думать

не только о себе, – раздраженно отчитывает меня Марк. Я молчу. Что мне еще остается? Но от чувства несправедливости сводит зубы. Он сваливает всю ответственность на меня, словно я одна виновата в том, что произошло. Словно я это начала. Хотя, может, быть, и я, но все равно обидно... От горечи и боли поток слез только усиливается. Марк нервно меряет широкими шагами кухню. Никогда не видела его таким взбешенным и напряженным.

– А гостиница? – перестав всхлипывать, начинаю думать конструктивно, искать варианты.

– У тебя есть деньги? У меня – нет. Я тут выживаю, как могу. В МГУ учиться недешево, а если еще родные мать и отец предпочли тебя бесконечной толпе приемышей... – он осекается, заметив, как широко распахнув глаза, я смотрю на него с недоверием и потрясением.

– Это я тоже? Да? Приемыш? Так ты считаешь? – мой голос дрожит, набирая силу. – Но знаешь, каждый рубль мы отработали сполна. И давай не будем забывать про пособия, государственные премии и награды, которые получают родители. То, что они делают, нужно, прежде всего, им самим.

– Как ты запела! – криво усмехается Марк. – Забыла, как тебя чуть не отправили обратно в интернат три месяца назад? Но нет, тебя опять понесло на подвиги.

– Никто не отправил бы меня в интернат, Марк. Я думала, что ты тоже скучаешь и хочешь увидеть меня, – тихо произнесла я. – Думала, что мы любим друг друга.

Марк резко и неприятно смеется, глядя мне в глаза. Его показное пренебрежение не настолько неожиданно, насколько унижительно. Никогда не думала, что Марк может быть настолько жесток.

– Ты красивая девушка и у тебя сногшибательная фигура, и я просто трахнул тебя, потому что ты сама хотела, – безжалостно заявляет он. – Наверное, мне не стоило этого делать. Потому что ты слишком молода, и мы нарушили табу на отношения в семье, и в итоге все открылось. Однако я уже наказан, поэтому не считаю, что должен извиняться за то, что говорю правду. Скажи, в каком месте я сейчас тебя обманул?

Наверное, после демонстрации недовольства моим приездом, последние слова не стали откровением. Я не понимаю, для чего или для кого он устроил этот фарс. Понятно, что ни он, ни я, не верим в произнесенные слова.

– Ты скажи, Марк, – произношу я холодно. Мои слезы высохли, но внутри все горит и плачет. Заметив перемену во мне, он натянуто улыбается.

– Я уже все сказал, – равнодушно отвечает Марк. – Я постелю тебе на кухне. Через полчаса ко мне придет девушка. Будь добра, веди себя разумно и тихо.

Я отшатнулась, словно он меня ударил. Да, вот это действительно больно. В его лице что-то мелькает, и Марк протягивает руку, чтобы коснуться меня, но снова прячется в своей скорлупе подонка, и, сжав руку в кулак, убирает за спи-

ну.

– И она останется на ночь. Утром мы проводим тебя на вокзал. – это доносится уже из комнаты.

Я обреченно опускаюсь на небольшой диванчик у стены, на котором мне, по всей видимости, придется спать. Я не могу поверить, что все происходит наяву, а не в страшном сне. Еще два часа назад я была счастлива, я ждала встречи с парнем, который стал моей первой любовью и лучшим другом с момента, когда я переступила порог дома приемной семьи. Я была номер восемь. Сейчас у родителей пятнадцать детей, и они наконец-то решили остановиться. До ухода из семьи Марка нас было десять. Еще пятеро покинули дом раньше, завели собственные семьи. Но даже десять – это много. На самом деле мы все разные и по-своему привязаны друг к другу, но Марк с самого начала стал для меня близким человеком. И когда он говорит такие страшные вещи, я не могу поверить, не могу принять... Это невозможно.

И я не понимаю зачем? И за что?

Только когда приходит его девушка, на меня накатывает реальность, разительно отличающаяся от моих фантазий. Она высокая и стройная, и ей явно больше восемнадцати. «Что за девочка?», спрашивает она у Марка манерным голосом. Я не могу отвести глаз от ее красного рта и рыжих волос. Юбка едва прикрывает ягодицы, декольте ничего, вообще, ничего не скрывает. Если так выглядит его тип идеальной девушки...

– Да так, – пожимает небрежно плечами Марк, прихватывая девицу за задницу. – Родители прислали одну из сироток кое-что передать.

Они уходят в комнату, закрывают за собой двери, и остаюсь на кухне одна. Сиротка. Сиротка... Это он обо мне.

Закрываю глаза, опуская голову на подушку. Мне не во что переодеться, поэтому я сняла только пиджак и колготки. Накрылась до подбородка пледом, который пах шерстью и Марком. Вспоминая наши совместные моменты из детства, начинаю беззвучно всхлипывать. Я невольно прислушиваюсь к звукам смеха и разговорам за стенкой. Им там гораздо веселее. Пытаюсь отвлечься и уснуть, но ничего не выходит. Мое сердце слишком болит и ноет. Я сгораю от стыда за свою самонадеянную глупость, которая привела меня сюда. Через час я уже измучена своими терзаниями так, что готова провалиться в беспамятство, но звуки в соседней комнате заставляют меня подскочить на месте. Конечно, я понимаю, что девушка такого вида не чаю пришла попить, но нельзя хотя бы не делать «это», так демонстративно громко. То, что я сейчас чувствую, не передать словами. Мне шестнадцать, а в таком возрасте девочкам кажется, что их любовь вечная и единственная, и самая сильная, и никто так еще никогда не любил.

Я проплакала всю ночь, уткнувшись лицом в подушку, чтобы заглушить рыдания. Утром подушка насквозь промокла от моих слез. А мое сердце разбилось вдребезги.

Первая любовь часто бывает несчастливой. Мой же случай отвадил меня от новых попыток завязать отношения на долгие, долгие годы. Ведь Марк был не просто парнем, не просто первым любовником. Он – единственный и близкий мне человек. Можно забыть предательство человека со стороны, случайного... Но с нами все было иначе. Я любила его всеми фибрами своей души, всеми гранями этого чувства, которое он с такой легкостью отбросил прочь.

Утром я не заметила, как ушла девица с алыми губами и задатками порно актрисы. Прибывая в состоянии полной прострации, я не заметила появления на кухне Марка, который неожиданно проявил ненужную уже заботу и сварил мне кофе.

– Что с твоими глазами? – хрипло спросил он, садясь рядом. Меня затошнило. Я больше не хотела его видеть. Он отрезал меня от себя. У него получилось. И когда я подняла на него свой взгляд, это были мои последние слезы из-за мужчины. Я ничего не сказала, но, видимо, Марк и так все понял по выражению решимости и презрения в моих глазах.

Он встал, чувствуя исходящую от меня негативную энергию. Наши взгляды все так же были скрещены.

– Так будет лучше, Маш. Ты поймешь потом, когда вырастешь, – произносит он и разворачивается ко мне спиной. – Через два месяца я улетаю в Штаты. Буду учиться в Голливуде, в школе каскадеров. Было чертовски сложно, но я прошел отбор заочно, и меня рекомендовали влиятельные люди

из нашего университета. И да, я бросаю МГУ. Можешь передать родителям, что я получил стипендию и сам справлюсь. Если придется, то буду работать ночами. Мне ничего от них не нужно. А еще можешь сообщить, что в начале прошлого года я перевелся с экономического факультета на факультет искусств. Не судьба сбыться их планам о великом математике или успешном бизнесмене.

– А меня ты за что наказал? – спросила я, вставая из-за стола. Быстро, нервной походкой прошла в прихожую и начала судорожно одеваться. – Удачи тебе в Америке. Доберись до вокзала сама.

Мы замерли у дверей напротив друг друга.

– Ты прости меня, Машка, – произносит Марк. В его темных глазах ничего нельзя прочесть. Чужие, далекие, отстранённые. – Мне казалось, это так – игра. Мы были детьми, потом выросли. И что-то такое возникло между нами. Попробуй отнестись к случившемуся, как к эпизоду, неудачному опыту. Забудь меня. Так будет лучше.

Его взгляд застывает на мне, на моих губах. Протягивая руку, он касается моих волос, выбившихся из косы, заправляет за ухо. Такое нежное прикосновение, такое до боли знакомое, и бессмысленное после всех сказанных слов.

– Скоро между нами будут океаны. Я буду скучать по тебе, моя маленькая Джульетта, – печальная улыбка трогает его губы. – А ты даже не вздумай. – Марк наклоняется и касается губами моего лба. Я слышу его судорожное дыхание. Он

держит меня за плечи слишком сильно, словно боится отпустить, а потом резко открывает дверь, позволяя мне уйти из его комнаты и жизни на долгие-долгие годы.

Мне шестнадцать лет, и мое сердце разбито. Конец света, ни больше, ни меньше. А для него – всего лишь эпизод.

Глава 1

«Несмотря на то, какие испытания могут разделить нас, мы всегда найдем способ вернуться друг к другу».

Лео Коллинз, к/ф Клятва

Пять лет спустя. Тверь

Мария

– Маш, ты не можешь танцевать в клубах бесконечно. Мама рано или поздно узнает и тебе влетит, несмотря на то, что ты совершеннолетняя. Правила действуют, пока ты живешь здесь. Я молчу, что будет, если отец пронюхает. – Стелла забрасывает на стол длинные ноги, открывая флакончик с лаком для ногтей. Она красивая, стройная и кажется слишком взрослой для своих пятнадцати лет. Умная, целеустремленная; отличница и многократный областной чемпион по плаванию на коротких дистанциях. Я была совсем другой в ее возрасте, не хватала звезд с неба, училась средне и влипала в не самые красивые истории. Родители, хотя и не произносили вслух, но давно смирились с тем, что я самый непутевый член нашей многочисленной дружной семьи. Дружной – это не в кавычках. Мы и, правда, очень дорожим друг другом.

Так нас воспитали. Сейчас с родителями осталось только семеро детей. Самая младшая Миленка, ей девять, и она почти хакер. Представляете, до какого уровня мне нужно тянуться? Нет?

Тогда я поясню.

Сейчас я почти самая старшая из тех, кто до сих пор висит на шее у приемных родителей. Если думаете, что наше государство настолько щедрое, чтобы обеспечить подобные семьи всем необходимым, то ошибаетесь. Если вам почему-то взбрело в голову, что родители берут в семью больше десяти человек, рассчитывая на пособия и льготы или руководствуясь другими меркантильными соображениями, то тоже ошибаетесь. Попробуйте воспитать хотя бы пятерых, даже если ваш дом – полная чаша. Сами воспитать, без помощи нянь, репетиторов и других приходящих людей. И не просто воспитать, а выпустить в мир достойных людей, специалистов, самостоятельных и успешных.

Мои родители не суперлюди. Они живые, настоящие, со своими слабостями, но с сильными негибкими принципами. И они, как бы правильно выразится, утописты, мечтатели, которые вознамерились создать свою модель идеальной семьи. Пара трещин случилось, но в целом им удалось. Самым главным промахом стала я и... Марк.

Родители так много времени отдали приемным детям, внимания, любви и заботы, но при этом не смогли удержать родного сына, который больше пяти лет назад покинул не

только город, но и страну. Не знаю, как им удалось пережить подобный удар, но сейчас, немного повзрослев, я понимаю Марка. Не могу его осуждать. Мы начудили, конечно, но я ставлю себя на его место и понимаю, почему все так случилось. Марк был лучшим из нас. Самым умным. Ему удавалось все, за что бы он ни брался. А брался Марк за многое. Когда он пошел в первый класс, мама выпустила книгу, точнее, пособие «Как вырастить вундеркинда». И даже премию какую-то получила. Родители очень им гордились, но никогда открыто не демонстрировали свои чувства, и строжили больше, чем остальных. Но ребенок есть ребенок, и ему обидно, что его, родного, любят, вроде как, меньше, чем приемных, хотя лично я разницы не замечала. И когда Марк на три года раньше сверстников окончил школу, то рассчитывал на какое-то особенное отношение родителей, но они только сильнее давили на него своим авторитетом и новыми образовательными программами; хотели, чтобы он стал гениальным математиком, ученым. И Марк мог бы! Сколько математических олимпиад было выиграно. И притом, что зубрилой Марк никогда не был. Просто чудо природы какое-то. И еще умудрялся активными играми увлекаться. Футбол, волейбол, карате, теннис и даже скалодром. В семнадцать увлекся мотокроссом (мотоцикл у него был и раньше, но он только в частном секторе мог ездить), чем чуть не свел с ума родителей. Но на тот момент он уже в МГУ учился, и им было сложнее его контролировать. Когда

в первое лето каникул Марк приехал на месяц позже, сообщив, что участвовал в соревнованиях по гребле на байдарках на озере Байкал, и лазал по горам Урала, то предки поняли, что бесполезно сражаться с его чрезмерной активностью, и смирились. Сложнее было смириться с кое-чем другим. Но это отдельная история. И закончилась она некрасиво. Я могла бы чувствовать себя виноватой, если бы на тот момент была чуть старше.

Вернемся к нашей идеальной семье и самородкам, которых она взрастила.

Итак, мою маму зовут Елизавета Красавина, сейчас ей пятьдесят семь лет, и она все еще полна сил. Отец – Дмитрий Красавин, недавно отметил шестидесятилетний юбилей. У обоих высшее педагогическое образование. Мама – учитель начальных классов, папа закончил физвос. Мы живем в частном секторе, в пригороде Твери, в просторном и уютном доме. Два этажа, гостиная, спортзал, шесть спален. Не у всех детей есть возможность занимать отдельную комнату, но я на данный момент живу одна, чему безумно рада. У нас имеется приусадебный участок, двенадцать соток, на котором помимо бесконечных грядок находятся: баня, летний домик, огромный гараж для трактора, мотоцикла, культиватора, газели и семиместной подержанной иномарки. Родители считают, что дети с детства должны быть приучены к труду, и поэтому помимо работы на земле, нам еще приходится ухаживать за многочисленной скотиной: кролики, птица,

коровы, козочки, свиньи. Куда без хрюшек?

Только не подумайте, что нас тут используют, как рабочую силу. Это не так. Существует четкое расписание, которое составляется с учетом многочисленных нюансов. Меня, например, ни разу не заставляли делать что-то, если я не хотела. Всегда можно поменяться обязанностями с братом или с сестрой. Не хочешь полоть картошку, иди мой посуду. И мама с папой не сидели дома у телевизора, пока мы пахали в хлеву или на грядках. Нет. Они всегда были рядом. Работали с нами, больше нас. Естественно мы жили своим хозяйством, ну, и на пособие, которое платило государство. На питание уходило не очень много, потому что в доме всегда было полно скотины и запасов с огорода, но вот с одеждой приходилось туго. Мы не жаловались. Никогда и ни на что. Небалованные. Никто из моих братьев и сестер ни разу не загремел в полицию, не украл, не стал участником скандала или заварушки. И когда три года назад мама получила президентскую премию «Родительская слава», мы собрались все вместе в саду, потому что в гостиной не хватило бы места для родителей и четырнадцати детей, у некоторых из которых уже появились свои дети..., и это было такое счастье. Отец сиял от гордости, но в тоже время в его глазах, как и во взгляде мамы читалась затаенная грусть. Пришли поздравить все, кроме родного сына. Конечно, Марк не смог приехать. Это не из Москвы на электричке прикатить. Он даже не знал про награждение, потому что с момента отъезда в

Америку прекратил любое общение с родителями и с нами.

Маме было всего двадцать пять лет, когда она и ее муж приняли решение удочерить первых своих близнецов. Света и Юля. Новорожденные. Я знаю, что родители девочек погибли в автокатастрофе. Отец вез беременную жену в роддом, когда случилась трагедия. Малышек чудом спасли, выходили. Лиза училась на одном курсе с мамой близнецов, и поэтому эта история ее так задела. Она не могла остаться равнодушной, учитывая тот факт, что родственников у девочек не осталось. Оба родителя были детдомовскими. Лиза долго не решалась сказать мужу о своем желании взять малышей в семью. Тогда они сами жили в однушке, работали в школе за гроши и о своих детях даже не мечтали. Но сложилось так, как сложилось. На семейном совете было принято решение. Девочек сначала взяли под опеку, а потом через год удочерили.

Через два года девушка из органов опеки во время очередной проверки рассказала трагическую историю о мальчишке, которого недавно распределили в дом малютки. Мамаша уснула пьяная или в наркотическом дурмане. Вся семья, включая двух сестренок погибла в пожаре, а он выжил, не получив ни одного ожога. Вынесли из огня пожарные. Родился в рубашке, так сказали. Артур. Тоже новорожденный. Мама хотела съездить, чтобы просто отвезти кое-какие вещи, оставшиеся после девочек. Ну, и вернулась в слезах. Через месяц они с отцом уже готовили документы на усынов-

ление. Продали квартиру и все вместе с тремя детьми переехали за город.

Дом рос вместе с количеством членов семьи и широтой души моих родителей. Я знаю, что они любят всех нас. Гордятся нами. Хотят, чтобы мы выросли достойными людьми.

Свете и Юле сейчас тридцать два года. Обе закончили московскую медицинскую академию и работают по специальности в Москве. Юля стоматолог, Света – детский хирург. Обе замужем. У каждой дети родились. А тот мальчик, чудом спасшийся в пожаре, Артур, стал священником. Сейчас ему тридцать, работает в местной церкви, женился пять лет назад, двое сыновей, и жена девочкой беременная. Стоит ли говорить, что Артур частый гость и духовник нашей многочисленной семьи?

Следующим пополнением были близнецы-двугодки. Родители питали слабость именно к близнецам. Всегда их смотрели в первую очередь. Итак, следующие. Вика и Максим. Родители трагически погибли. Очень талантливые дети. Тоже упорхнули в Москву, закончив школу. Закончили МГУ, факультет искусств. Вика работает актрисой в театре, а Максим – модный фотограф. Сейчас им двадцать шесть каждому, красивые, успешные, свободные, материально независимые. Приобрели небольшой таунхауз в ближайшем в Москве пригороде.

Шестым стал Артем. Мать – поэтесса, умерла от рака, отец неизвестен. Взяли годовалым. Сейчас ему двадцать два го-

да. Здоровенный, высоченный красавец-блондин с голубыми глазами. Нас часто принимают за родных, потому что мы похожи внешне. Немного отставал в умственном развитии, но мама вытянула. Отец натаскал в физическом плане. Сейчас у Темыча контракт с успешным российским хоккейным клубом, и он уже два года мотается по соревнованиям. Купил особняк в Москве и живет на широкую ногу. Я дважды останавливалась у него на лето, пока пыталась попасть в МГУ на юрфак, но оба раза провалилась. Параллельно пыталась попасть в хореографический колледж, но и здесь меня признали недостаточно талантливой. Вот такая я. Пирожок ни с чем. В семье не без уroda, как говорится.

Седьмым ребенком в семье стал *Божий дар*, как однажды выразилась бабушка Люба. Она умерла, когда мне было восемь лет. Хорошая была женщина. Веселая, с юмором.

Мама забеременела Марком в тридцать три года. Именно он стал седьмым. Сразу две библейские важные цифры. Тридцать три – возраст Христа на момент его распятия, а семь – число дней для сотворения мира. Марк начал «чудить» сразу. Лизе Красавиной ставили бесплодие с двадцати лет. И забеременеть в тридцать три, и выносить без малейшего осложнения и нарекания врачей уже было событием особенным. Артур говорил, что родителям воздалось за благие дела и нравственную духовную жизнь. Церковь занимала важную роль в семье и детей приучали к религии, воспитывали по христианским понятиям.

В десять месяцев Марк пошел ножками и заговорил предложениями. В полтора года знал все цифры и буквы. В три научился читать, считать и писать, а в четыре уже рассказывал стихи на английском, знал, что такое дроби и умножал трехзначные цифры. В школу раньше шести лет не брали, и поэтому сильно опередить сверстников он не мог. Однако, вопреки ожиданиям, родителей, начальная школа далась Марку тяжело. Он знал программу, и ему было скучно. Он не умел вести себя, был неадекватен, спорил с учителями, ходил по классу во время уроков, мог уйти домой в любой момент. Его откровенно недолюбливали как учителя, которые недоотягивали до уровня мальчика, так и ученики, с которыми Марк вообще отказывался общаться. Со стороны он мог казаться заносчивым и высокомерным, и отчасти эти черты присутствовали в его характере. В средних классах дела пошли успешнее. Прибавилось предметов, Марк заинтересовался различными кружками и спортивными секциями, и на базе общих увлечений сошелся, наконец, со сверстниками. А позже со старшеклассниками, потому что начал активно опережать школьную программу, перепрыгивая через классы. Одиннадцатый класс Марк закончил в шестнадцать лет с красным дипломом, медалями и грамотами. Но не побежал поступать в университет. Целый год отдыхал. Ну, а потом МГУ, прикладная математика. Поступил, даже не сдавая экзамены. Самородка взяли сразу. Не то, что некоторых неудачниц (не будем показывать пальцем).

В первое лето, когда Марк с опозданием, из-за своих байдарок, приехал домой, ему уже было без пары месяцев восемнадцать. Самоуверенный, взрослый, дерзкий. Я смотрела на него, как на небожителя, открыв рот. Пятнадцатилетняя малолетка, у которой еще даже грудь расти не начала.

Все девчонки в деревне были влюблены в Марка. А что творилось, когда он надевал кожаную косуху и выезжал из двора на своем черном мотоцикле! Некоторые дурочки практически вслед бежали. С девчонками у Марка складывались особенные отношения. Одноразовые. Родители не знали, что их сын немного гуляка, но до меня сплетни доходили. Я не сердилась, а наоборот, шлейф разбитых сердец, который тянулся, придавал его образу еще большую привлекательность.

Да, кстати, я оказалась восьмой по счету. Взяли меня после четырехлетнего перерыва. Я тоже, своего рода, особенный ребенок. Подкидыш. О моих родителях ничего не известно. А еще у меня был порок сердца. Врожденный и очень серьезный. Родители возили меня в Москву, где я перенесла три операции на открытом сердце в трехгодовалом возрасте. И шрам остался. Они вытащили меня с того света... Больше других я должна быть благодарна, но, к сожалению, стала самым большим разочарованием. Из-за меня они потеряли сына. Из-за моей дурости и глупой детской влюбленности. Никто не снимает ответственности с Марка, но и я должна была думать головой, а не каким-то другим местом.

Большая любовь.

Сейчас даже вспомнить смешно. Стыдно. Шестнадцать лет! Я могла еще года два играть в куклы, не зная ничего об интимных отношениях. И Марк был прав, когда сказал потом, что дал мне то, чего я хотела. Эпизод. Я была разовая. Хотя нет. Многоразовая. Поймали нас далеко не в первый раз. Он меня не совращал, хотя родители и считают по-другому. Я сама на него вешалась. После, когда дело было сделано, Марк не видел смысла отказываться от того, что так откровенно предлагают. Если бы все можно было отмотать обратно, и вставить мои сегодняшние мозги той шестнадцатилетней дуручке, то все сложилось бы иначе. Хотя я не думаю, что Марк так уж несчастен в своей Америке. Родители лепили из него гения, чересчур давили, и требовали больше, чем от других. Он не жаловался, но я видела этот его загнанный взгляд мятежника. Я понимала его, как никто. Сейчас он, наверное, наслаждается своей свободой и даже не вспоминает обо мне. Не всем нам нужны родители, дом, тыл, близкие люди. Я же не просто была влюблена в него, он был моим другом, родным человеком. *Мы все его любили.* Но любил ли кого-то Марк?

Ладно, не будем о наболевшем. Неловко, тяжело и горько вспоминать такие моменты.

Остановились на мне? Итак, нас осталось на шее у родителей семеро. Игорь – старший. Ему двадцать один, хотя усыновили после меня. Он учится в Тверском педагогическом

университете на учителя физкультуры, и всерьез увлекается футболом. Сейчас ждет контракт с каким-то клубом. Так что скоро тоже улетит в свободное плавание.

Марина моя ровесница, но она в семерку не входит. Она у нас фигуристка. Чемпионка. Появляется раз в полгода, не чаще. Вижу ее в новостях спорта и каждый раз ощущаю собственную никчемность.

Даже Стелла в свои почти шестнадцать уже без пяти минут мастер спорта по плаванию. Ванечка хоть и учится в десятом классе, но уже знает, кем хочет стать. Знакомьтесь, будущий кардиохирург.

Осталась только малышня. Очередные близнецы Вася с Женькой, мальчишки, им по одиннадцать лет, и Миленка – девять. Что из них получится, еще никто не знает, но боюсь предположить, что я так и останусь тем «самым слабым звеном» в нашей семейке гениев и талантов, если ничего не изменю.

И когда красивая, благоразумная отличница плавунья Стелла говорит, что мне необходимо бросить мои танцы и заняться делом, я с ней полностью солидарна.

– Завтра будет известно, попала ли я на юрфак в наш Тверской филиал Московского гуманитарно-экономического института. – выдаю я Стелле свой большой секрет. Зеленые глаза распахиваются от удивления, даже кисточка съезжает с ногтя и мажет лаком кожу.

– Серьезно? – шепотом спрашивает Стелла. Расплывается

в улыбке, порывисто обнимает меня. – Молодец, а что молчала-то?

– Не хочу пока говорить. Вдруг опять облом.

– Но это же не Москва. Тут требования скромнее, – решила успокоить меня сестрица. – Класс. Я так рада.

– А еще меня в школу балета позвали преподавать. Через день по два часа. Вечерние сеансы получается.

– Обалдеть! Да у тебя белая полоса поперла.

– Тьфу, не сглазь. Хорошо, что у меня хотя бы сертификат на преподавание хореографии есть.

– Слушай, я не знаю, что там Москва придралась, но танцуешь ты круто. Только не эти вот гоу-гоу в клубе, а балет и бальные мне нравились, – Стелла мечтательно улыбнулась. – Танго, вальс... А сейчас, что? Брр...

– Прозвучало так, словно я стриптизерша какая-то. Я, между прочим, в одежде танцую. И да, за вальс или белого лебедя в клубе никто не заплатит.

– Ну да, кожаные шорты и топ – это офигеть, какая одежда. Я молчу про обувь. И слухи, которые ходят на счет приват танцев.

– Это было один раз, – качаю головой заливаясь краской стыда. – И то, потому что мне парень понравился.

– Значит, не врут слухи? – прищурив глаза, спрашивает Стелла. – И как, не распускал руки?

– Нет, не распускал. И, вообще, маленькая еще.

– Да, брось ты, у меня все уже было, – заявляет Стелла,

вызывая у меня изумленный вздох.

– Слушай, когда ты все успеваешь? Стоп. Это не тренер? Стелла! Смотри на меня.

– Нет, дура, что ли! Парень из команды. Вместе тренируемся, – «утешает» меня сестра. Черт, почему я не верю ей?

– Тебе шестнадцать, ты помнишь об этом? И о том, как дети появляются ты в курсе? – наставническим строгим тоном спрашиваю я.

– Я в курсе, что кому-то, вообще, шестнадцать было. Ты тогда о детях думала? – парирует маленькая стерва.

– Мне тогда думать нечем было. И с парнем этим, с привата ничего не было. Он мне в любви признавался, говорил, что полгода уже на меня смотреть ходит. Вот и все. Ты рано решила стать взрослой, Стелла, – сдержанно произношу я. – Ни к чему хорошему неразумные отношения не приведут. Понимаешь?

– Почему неразумные? – хмурится сестра.

– Твоя жизнь расписана по минутам. Впереди карьера, о которой многие только мечтают. Не просри это ради сомнительного перепиха.

– Почему же сомнительного. Мне понравилось. И не собираюсь я голову терять. Я не ты, чтобы, как в омут с головой. Ты же до сих пор ни с кем не встречаешься, потому что своего Марка ждешь. Дура ты. Еще меня учишь. Не вернется он. Где он и где ты, Машка! Какой дурак из Голливуда в Тверь вернется, за свиньями убирать?

Я ничего не ответила, проглотив обиду. Стелла та еще сучка, и ее слова задели за живое, но она отчасти права. Мне нужно прекратить жить прошлым. Только... сложно это. Смотрю на парней, которые оказывают мне знаки внимания, и понимаю, что ни один из них не сравнится с Марком. Не потому что он был красивее и умнее всех, хотя такой грешок за ним водится. Нет... Он был родным, близким, моим. Я любила его. Сложно забыть, когда по-настоящему...

Глава 2

Несколько месяцев спустя

Мария

Меня вырубает прямо на лекции. Я из последних сил делаю вид, что заинтересована тем, что вещает с трибуны высокомерный, просто лопающийся от собственной важности, красавец Солнцев Дмитрий Евгеньевич. Не абы кто, а заезжий принц из самой столицы. Дорогуший адвокат по бракоразводным делам, который не проиграл еще ни одного процесса. Черт его знает, сколько отвалил этой звезде юриспруденции наш универ, чтобы заманить самого Солнцева в Тверь. Курс краткосрочный. Всего две недели, и конечно, я не могла не воспользоваться шансом. Посмотреть на звезду и просто покупаться в лучах его известности и успешности. Вдруг и мне перепадет. Обмен энергиями, знаете ли. Присосусь, чуть-чуть себе откачаю. Шучу я, конечно. Любопытство замучило, да и подружки все записались.

Подружки вообще история отдельная. Устроили на несчастного адвоката целую охоту, облаву, можно сказать. На лекции являлись в боевом раскрасе и лучших шмотках, которые были бы уместны в ночном клубе, но не на лекции в

универе. И засранец Солнцев прекрасно замечая все уловки жаждущих заполучить в свои сети такую жирную акулу, всю флиртовал со студентками. Ему можно, он же заезжий, и не педагог, а так, лекции читает, делится опытом, шутками сыплет, историями из сытой жизни миллиардеров и их грызне, когда эти миллиарды делить приходится. Пару дней назад на первой лекции, мне даже нравилась его манера преподавания, но сегодня, после отработанной ночи в клубе, я просто не в состоянии сосредоточиться на словах Солнцева. Какой черт дернул меня сесть в первый ряд? На самом виду. Удрыхну, позорище будет.

Хочу напомнить, что в клубе я вовсе не развлекалась, а работала. Решила, наконец-то, съехать от родителей и снять себе квартиру. Уже выбрала даже подходящую. Небольшая однушка рядом с универом. С мебелью. Чистая. Не хватало всего пару тысяч на услуги риэлтерского агентства. В балетной школе зарабатываю совсем мало, поэтому пришлось снова вернуться в гоу-гоу, но это временно, пока на ноги не встану. Вечером внесу остаток и заеду. Если силы останутся... Стелла радуется больше, чем я. Моя комната теперь ей по наследству перейдет. Сейчас я настолько вымотана, что не совсем понимаю, что чувствую. С одной стороны, я так привыкла жить с родителями, под их опекой и заботой. Мне будет не хватать их строгих правил и установок, советов, которые всегда кстати. Понравится ли мне самостоятельная, тихая, без списка обязанностей и расписания жизнь?

Поживем – увидим?

– Мария Красавина, вы кажется перепутали заведение. Это не конкурс на звание самый спящий студент года, – доносится до меня заносчивый голос с бархатистыми нотками. Хмм чувственно... Я понимаю, что не справилась с усталостью и только что позорно задремала. Открывая глаза, пытаюсь проморгаться и сквозь полусонный туман рассмотреть лицо обращающегося ко мне Солнцева. Поганец чертовски хорош. Я бледнею и краснею, пытаюсь найти остроумный ответ, но мозг все еще отключен. Откуда он знает мое имя? Ах, точно таблички на груди... Он, что пялился на мою грудь?

– Вы считаете, что только что удачно пошутили? – с вызовом спрашиваю я, поправляя растрепавшиеся волосы. Мне тут же хочется проглотить свой язык. Не знаю, что за черт в меня вселился. Аудитория, только что заискивающе хихикающая вместе с Солнцевым, замолкает. Я продолжаю моргать, испуганно глядя на удивленного, и даже заинтересованного преуспевающего адвоката. Его выразительные, умные, бесконечно грешные стальные глаза медленно скользят по моему лицу и ниже, я больше не верю, что его интересует табличка. Он нагло таращится на мою грудь.

– А вы считаете меня не остроумным? – с легкой хрипотцой в голосе спрашивает он, делая шаг ближе. Я могу разглядеть его чувственные губы и длинные ресницы. Он же должен быть занудой и ботаником! Это нечестно, что умный парень обладает еще и сексуальной внешностью. И он молодой.

Не больше тридцати. Высокий, стройный, стильный. Шикарный. Стоп! Я, что, пялюсь на него? Боже, он мне нравится. Реально нравится. Уписаться можно.

– Нет, Дмитрий Евгеньевич. Все смеются, потому что вы богатый, известный и успешный. Но вы могли бы сделать вид, что не заметили, что одна смертельно-уставшая девушка задремала во время исключительно интересной лекции о «Правовом споре и гражданском судопроизводстве», – выдаю я все с той же заносчивой интонацией, нагло улыбаясь и глядя в самые восхитительно-красивые глаза.

– Мария, вы запомнили название темы. Это прогресс!

– Не льстите себе. Я прочитала на доске за вашей спиной, – ухмыляюсь я.

Он перестает улыбаться, потому что моя наглость уже перестала быть милой шалостью. Взгляд серых глаз темнеет, когда, сдвинув темные брови, он с раздражением смотрит на меня долю секунды, после чего твердым и беспрекословным тоном заявляет:

– Прошу вас покинуть аудиторию, юная леди.

Вздёрнув нос, встаю, закинув сумку на плечо. Аудитория в тихом ступоре, как и я сама, но храбрюсь из последних сил. Какая идиотка, но меня уже понесло.

– А кто сказал вам, что я леди? – фыркнула я. Прохожу мимо блестящего адвоката, одетого в исключительно стильный и строгий костюм, без единой складочки. Совсем как супергерой. Меня накрывает волной взбесившегося адрена-

лина. Виляю задницей, обтянутой простыми поношенными голубыми джинсами. Сверху невнятный серый свитер, который в простонародье называется «лапша», на ногах спортивные несексуальные черно-белые кроссы. Я уже у двери, когда до меня доносится его ехидное и многообещающее:

– А это запомню, Красавина, – а следующие слова произнесены ледяным тоном. – И прошу вычеркнуть данный курс из мероприятий, которые вы запланировали. Надеюсь, мне не придется повторять дважды. Можете спать на других лекциях. Мы друг друга поняли?

Оборачиваясь, замечаю, как его взгляд быстро отрывается от моей пятой точки и скользит по груди и выше, пока не встречается с моим взглядом. Боже, меня пронзает эклектический разряд невероятной мощи. Даже коленки слабеют. Я чувствую, как между ног становится горячо. Я хочу этого засранца. Боюсь, что голос выдаст мое состояние, поэтому просто киваю и выскакиваю в коридор, захлопывая за собой дверь. Прислоняюсь спиной к закрытой двери, переводя дыхание. Черт побери! Что это сейчас было?

Дмитрий

– Александр Федорович, можно вопрос личного характера, – глядя в окно, выходящее на крыльцо университета, спрашиваю я у декана данного образовательного учреждения. Лысоватый и слеповатый Александр Федорович Про-

нин, поправив очки, важно и понимающе кивает, проследив за моим взглядом. Теперь мы оба смотрим на длинноногую блондинку, которая сидит на лавке, держа в руках огромный стакан кофе.

– Хороша, понимаю. Я тоже не смог устоять, когда на вступительных она несла околесицу. Красивая, но знаниями не блещет, к сожалению, – Пронин вздохнул. Я нахмурился, изучающе разглядывая Красавину Марию. Маша, значит. Откинув назад светлую копну идеально прямых волос, она подставила лицо солнечным весенним лучам, блаженно улыбаясь. Я вспомнил, как она смотрела на меня сегодня. Глаза синие, васильковые, мятежные. Мне она понравилась еще на первой лекции. Невероятная красавица, а ничего из себя не строит. И тело какое! Три часа прошло с нашей стычки, а у меня до сих пор эрекция. Вот черт, угораздило же. Приехал на пару недель и подсел на молоденькую студентку.

– Мне так не показалось. Вроде не дура, – произношу, не сводя с нее глаз. Она пьет свой кофе, смахивая с лица прядь волос. Никогда не торчал, сорри за жаргон, от блондинок, если честно. И, вообще, мимолётные романы – не мой удел. Я человек серьезный, не мальчик, чтобы по чужим постелям прыгать, да и постоянная девушка у меня есть. О свадьбе не думали, но все к тому идет. А тут, ухх, как накатило. Прямо чуть с ног не сбило. Причем, она и не старалась даже. Уснула, пока я из кожи вон лез, чтобы привлечь ее внимание. Все девчонки с курса наперебой задницами передо мной вертят,

да, и вообще, в моей профессии я часто сталкиваюсь с красивыми, обеспеченными, ухоженными женщинами, которые жаждут моего внимания, но держу себя в руках, хотя иногда бывают небольшие исключения из правил. Я не святой, и не ханжа.

Но почему мне понравилась эта Красавина, да и понравилась ли? Это, конечно, вопрос спорный, но то, что у меня на нее нереальный стояк – это железный аргумент.

– Дорогой мой, Дмитрий Евгеньевич, никто и не говорил, что прекрасная девушка, которая так вам приглянулась, дура. Увольте. Она – милейшее создание, просто юриста из нее не получится, не тот склад ума. Мария танцами бредит одними. В балетной школе по вечерам работает. По ночам в клубах выступает, но там уже совсем другая хореография, – Пронин смущенно кашляет. – Вы только не подумайте, что я сплетни собираю. Просто город у нас маленький. Семья у нее непростая. У всех на виду.

– А что не так с семьей? – озадаченно спрашиваю я, еще не переварив информацию с танцами. Поворачиваю голову, чтобы взглянуть на декана.

– С семьей-то... – он как-то нервно пожимает плечами. – Семья хорошая. Показательная, можно сказать. Родители воспитали пятнадцать детей. Приемных. Путёвку в жизнь дали. Все на подбор медалисты, таланты, спортсмены. Куча наград всяких, свое хозяйство. И ни единого нарекания. Как бы сказать поконкретнее... На фоне других детей, Ма-

ша Красавина не самая успешная. Я ее пожалел, если честно. Она же в Москву поступала несколько раз и в школу танцев ее тоже не взяли. Вернулась ни с чем. Когда к нам пришла, мне уже внучка про нее все рассказала. Кстати, Ира Самойлова, моя внучка. Она тоже на ваш курс ходит. Тёмленькая такая с родинкой на щеке.

– Да я помню. Умная девушка, – киваю я, не кривя душой. Мне не раз приходилось читать курс лекций по бракоразводному праву в самых разных университетах страны, и талантливых и смысленных студентов я вижу сразу.

– Вы знаете, Дмитрий Евгеньевич, она в конце курса хочет попробовать подать заявку на перевод в МГУ на аналогичный факультет. Я знаю, что вы там учились, многих знаете. Не могли бы посодействовать.

– Конечно, я подумаю, – автоматический киваю. – Так в каком, вы говорите, клубе работает Красавина?

– В «Лагуне», но я не говорил, – Пронин хитро улыбается. Я отхожу от окна, бросаю взгляд на часы. У меня через пять минут выступление перед педагогическим составом. Просвещать приходится не только студентов. Но у меня сейчас есть несколько свободных недель на «благотворительность». Так я называю свои преподавательские подвиги, за которые мне, кстати, платят, но в разы меньше, чем за работу в суде. После последнего громкого нашумевшего дела с разводом двух поп-звезд, я решил взять паузу на пару месяцев. Необходимо отойти от потока грязи и пристально-

го, неутрачивающего интереса к моей персоне. Все эти набившие оскомину бессмысленные ток-шоу и новые ненужные знакомства, которыми я не горжусь, но и отказать не могу. Слишком велики гонорары, которые я получаю, чтобы быть излишне щепетильным.

– Спасибо за информацию. До встречи. Я подумаю, что можно сделать для вашей внучки, – обещаю я на прощание и выхожу из кабинета декана. На самом деле мне даже думать не надо. Одного слова хватит, чтобы девушку взяли. Но я не хочу, чтобы меня одолели «просители» которых мне и Москве хватает. Каждая первая девушка, с которой я провожу ночь, пытается извлечь выгоду из моего к ней особенного отношения. Тоже самое с друзьями и коллегами. Никто и ничего не делает за просто так... Иногда подобное потребительское отношение бесит, мне хочется послать всех к чертям и укатить на золотые пляжи Таиланда или других экзотических стран, где можно ничего из себя не изображать. Пить вино, загорать, веселиться, целовать женщин, которым плевать, кто ты.

Мария

– Машка, колись, что за муха на тебя сегодня напала? – спрашивает Ирка Самойлова, поставив свой поднос на мой столик. Обычно я обедаю с Наташей Прыгуновой, моей верной подружкой еще со школы, но сегодня ее нет на занятиях.

Ирка – страшная сплетница и внучка декана. Мы с ней не подруги, скорее, приятельницы. Пару раз вместе тусовались на разных вечеринках. Пить она совершенно не умеет, зато мозги у нее работают, как надо.

– Ничего, просто бесит меня этот ваш супергерой, – фыр-каю я, пододвигая свой поднос. – Только и слышно: Солнцев, Солнцев. Тошнит уже. Ну, задремала я, и что?

– Знаешь, Маш, мужику с таким эго было дико, наверное, видеть, как кто-то спит на его лекции, – Ира мечтательно улыбнулась. – Но он крутой. Как из телика или с обложки.

– Так с обложки и есть. Не удивлюсь, если с собой толпу визажистов и стилистов возит, – насмешливо говорю я.

– Дед сказал, что ему тридцать три года, и он не женат. И не бабник. Представляешь? С такой-то внешностью, – и снова эта глупая улыбка. Я оценивающе смотрю на Самойлову, расценивая ее шансы на то, чтобы привлечь внимание Солнцева. Смазливая, миниатюрная кареглазая брюнетка с полноватыми бедрами и родинкой на щеке. Парни ее любят, а я не вижу ничего особенного, кроме родинки. Хотя, что я понимаю в парнях? У меня, конечно, много братьев, которые выросли на моих глазах, но это совсем другое. С сестрами о взаимоотношениях с девчонками не говорят.

– Баба точно у него есть, такие мужики свободными не бывают, так что закатай губу, – выдаю я безжалостно. Ирка недовольно хмурится.

– Фу, какая ты, Машка. Дай помечтать, а? Жалко, что ли?

А что у тебя случилось? Чего такая замученная и злая, как черт?

– Работала ночью. И сегодня снова ночная смена после переезда. Завтра не приду, наверное. Все равно суббота, – пожимаю плечами, убирая за ухо длинную светлую прядь.

– Какого переезда? – любопытствует неугомонная Ирка.

– Съезжаю от родителей. Хватит на шее у них висеть. И так дольше всех задержалась.

– А тебе от государства жилплощадь не положена?

– Мама занимается этим вопросом. Кучу бумажек и справок собрать надо, потом еще ждать... – мрачно сообщаю я, – Три года пороги обиваем.

– Ну, главное, чтобы не зря. Где сняла квартиру? Сколько комнат?

– Недалеко, через двор отсюда. Однушка, конечно. И ее бы потянуть. Опять пришлось в клуб проситься. В балетной школе копейки платят, на аренду не хватит. С голоду бы не помереть.

– Зато сама себе хозяйка. Есть кому помочь?

– Конечно, – усмехнулась я. – Спросила тоже. У нас семья огромная. Только свисни, толпа на помощь набежит.

– Невероятно, как вы так все дружить умудряетесь, – покачала головой Самойлова, с любопытством глядя на меня.

– А нам делить нечего, Ир. Все поровну. И родители никого не выделяют.

– Удивительные люди, – с восхищением кивнула Самой-

лова. Я печально улыбнулась.

– Не все так думают. Знаешь, сколько на них грязи льют. Завистники всякие. Деньги считают и пособия, а попробовали бы сами, как мама с папой, хотя бы одного поднять, человеком сделать, – с горечью произношу я. Это от души. Наболело. Насмотрелась на дураков. И пустые поклёпы в социальные службы писали и анонимные письма с угрозами и даже забор дерьмом обливали. Да уж, чего только не было. Но родители словно не замечали косых взглядов. Невероятная сила духа и веры в свое дело.

Дешевенький мобильник вибрирует в заднем кармане джинсов, отвлекая меня от размышлений.

– О, помощники активизировались, – улыбаюсь я, прочитав имя вызывающего абонента. Игорь, это который футболист и будущий учитель физкультуры. У него сейчас отпуск между играми, и он временно живет дома.

– Машка, привет! Что там с чемоданами и подушками? Когда везем? Артур уже приехал на своем фургоне, – бодро трещит в трубку вечно жизнерадостный Игорь.

– Мы же договаривались на пять часов. Еще только два. Куда ты спешишь? Или там Стелла воду мутит? Не терпится ей? – хмуро отзываюсь я.

– Ну да, Машунь. Она уже и чемоданы все вниз стащила, – хохочет в трубку Игорь. – Сука, да? Вот тебе и сестринская любовь. Пардон, забыл, что у нас тут духовник пожаловал. Артур, уши закрой. Я не могу себя постоянно контролиро-

вать.

– Игорь, давайте на четыре. Я тогда сбегу пораньше. Скоро буду. Грузите пока.

– Отлично. Все, ждем тебя, – бросает Игорь и отключается.

Я тяжело вздыхаю, смотрю на взирающую на меня с любопытством Ирку.

– Квартиру хочешь посмотреть? – внезапно спрашиваю я.

– Спрашиваешь!?! – фыркает приободрившаяся Самойлова. – Конечно, хочу.

– А, поехали!

Ирку я отвезла в квартиру, попросила немного помочь с уборкой, и оставив наедине с ведром, тряпками и шваброй, отправилась в отчий дом.

* * *

Это было невероятное эпическое прощание. Собрались все, кто были в Твери на данный момент, чтобы попрощаться, словно я на другой континент собираюсь, с самой непутевой из Красавиных, и дать советы на будущее. Вдоль ворот выстроилась шеренга братьев и сестер, самых разных возрастов во главе с мамой и папой, сдержанно, но с блестящими глазами смотрящих на меня. Руководил парадом Артур, и он же громче всех рассуждал о выборе и чистоте души и прочей ерунде, которую он обычно плел, когда мы собирались

все вместе. И я люблю каждого из них. По-особенному. Даже Стеллу, несмотря на ее мерзкий характер и дерзкий язык.

Меня всю затискали, обнимая, как в последний раз, заставляя клясться каждому, что я не пропаду и буду каждые выходные навещать родителей. Пришлось обещать, словно я могу долго продержаться без родных стен. Черт, я уже скукаю по всем. По мелким в особенности. Миленка, самая маленькая, ревела коровой. Какая глупая, мы же будем с ней видаться почти каждый день. Мама возит ее в балетную школу, где я преподаю. У Милки отлично получается, она очень пластичная и гибкая от природы. Мои педагоги то же самое говорили, когда я была в ее возрасте, но их мнение ровным счетом ничего не значило, когда я пробовала пробиться в Москву.

Когда пришла очередь Стеллы прощаться, она удивительно крепко обняла меня, шепнув в ухо:

– Оторвись, сестренка. Найди себе уже, наконец, реально-го парня. Я тебя люблю, хоть ты и дура непроходимая.

Я рассмеялась, целуя ее в щеку.

На самом деле все это было мило и трогательно. И пронзительно печально. Я шла к фургону, в который уже были загружены мои пожитки, чувствуя спиной взгляды моих родных. Я не хотела уходить. Просто время пришло. Мне так нравилось быть маленькой девочкой, но я заигралась. Уже из машины Артура, я бросила взгляд на летний домик, который в этом году покрасили в другой, насыщенно желтый,

цвет. Не знаю, что случилось... но вдруг на глаза набежали слезы. Я помахала рукой веренице близких мне людей, особенно остро ощущая нехватку еще одного человека, который жил в моей душе и никак не хотел уходить.

Шесть лет прошло, но я все это время, как последняя идиотка в глубине души надеялась, что он приедет. Хотя бы раз приедет. Увидит меня и поймет, что я не была для него простым эпизодом, еще одним приемшием, который отнимал у него любовь родителей. А сколько ночей я провела в мечтах, что стану великой балериной, приеду в Голливуд, и он с ума сойдет, когда узнает меня на сцене? Детские бредни, и мне пора закончить с ними. Нужно жить, приняв то, что Марк не вернется, не вспомнит обо мне, а я никогда не стану великой балериной и не поеду в Голливуд.

Глава 3

«Лет через пять он встретит её в том же месте, на той же лавочке.

Но теперь она будет не одна... С ней дочь и тот, на чьем месте мог бы быть он.»

Олдер Жарк

Марк

Лос-Анджелес

– Выпрыгивай, черт бы тебя побрал, – орет в рупор постановщик трюков Джош Каперски. Джимми Броуди, которого я дублирую, закрыв ладонью рот в ужасе, смотрит, как я вылетаю на ходу из машины, делая несколько кувырков. Костюм на мне продолжает гореть, когда я встаю на ноги, выпрямляясь в полный рост, и с улыбкой направляюсь к застывшей съёмочной группе. Меня поливают из огнетушителя. Главная актриса фильма, над которым мы работаем последние полгода, бежит ко мне с остывшим кофе. Сандра Коул почему-то уверена, что огня мне хватает в кадре. Кто-то хлопает и свистит, впечатленный моим умением поставить всех в ступор. Меня считают отчаянным, бесстрашным. На самом деле я просто профессионал. Не делаю ни одно-

го неверного движения, шага, прыжка, падения. Иногда мне становится скучно, и я экспериментирую, как сейчас. В действительности никакой опасности для моей жизни нет. За шесть лет работы каскадером я ни разу не получал серьезной травмы. Несколько царапин, да и только.

– Ты меня в гроб сведешь, Красавин! Что я буду делать, если ты покалечишься? У нас осталось не так много кадров до финала, а ты развлекаешься. Клоун! – орет на меня Джош, пока я, безмятежно улыбаясь, пью холодный кофе и обнимаю одной рукой Сандру. Джимми все еще в небольшом шоке. А я думал, что за три года, что мы работаем в общих проектах, он уже привык к моему самодурству. На самом деле Джимми тоже отважный парень и часть трюков, которые я исполняю, мог бы делать сам, но решать не ему, а режиссеру, который старается лишний раз не рисковать актером, играющим главную роль, что частично оправдано. У Джимми нет такого опыта и специальной подготовки. Для него малейшая ошибка может стать фатальной.

– Расслабься, Джош, ты же знаешь, что у меня все под контролем, – равнодушно бросаю я.

– Парень, это круто! Дай пожать твою мужественную руку, – спустившись со своего помоста, ко мне идет сам режиссер – Роберт Мейн. Седовласый мужик со сложным характером. С ним не уживаются многие актеры, но терпят, потому что его фильмы почти всегда взрывают прокат. Мне легко работать с Мейном. Он всегда знает, что делает, и что хочет

получить в итоге, бывает не сдержан, когда что-то идет не по плану, но результат того стоит. Мейн меня ценит, раз третий раз зовет сниматься с Джимми Бродди.

– Я всегда говорил, хороших каскадеров в Голливуде пруд пруди, а гениальный – один. И это Марк Красавин, – произносит Мейн без тени притворства, пожимая мою руку. – Молодец. Красавчик. Точно не хочешь попробоваться на мужскую роль? У тебя невероятный магнетизм. Смотри, как наша Сандра к тебе прилипла. – Мейн хохотнул, потрепав главную актрису за щеку.

– Нет. Я не актер, Роберт, но спасибо, – вежливо отказываюсь я от заманчивого для многих предложения.

– Зря, мальчик, гонорары другие, известность. Данные у тебя все есть. Бабы любят. Ты же у нас даже Джимми затмил, а у женского состава стопроцентный фурор, когда им становится известно, что за каскадёр будет работать в картине.

Сандра ревниво прижимается ко мне. Джимми прячет насмешливую улыбку. Он – голливудская звезда, секс символ, и, конечно, не видит во мне соперника. Мы, трюкачи, дублеры, каскадеры, живем в закулисье киноиндустрии, но и нам иногда обламываются сливки. Я не про Сандру. Этой сметаны я нализался вдоволь. Хотя пока моя Муза улетела на очередные съемки, я могу немного подурачиться с Сандрой, или вон с той милой костюмершей. Я на самом деле не падок на известных актрис или моделей. В бесконечной веренице моих любовниц часто попадаются маникюрши, барменши,

официантки, стюардессы, журналистки, писательницы, визажисты. Только не подумайте, что я бабник. Просто нахожусь в активном поиске. У меня даже статус такой стоит в сетях.

Костюмерша ловит мой заинтересованный взгляд. Я отчаянно пытаюсь вспомнить ее имя. Черт... Кажется, я его и не знал даже. Надо было спросить. Смеюсь над самим собой. Карла, моя официальная герл-фрэнд, говорит, что я возмутитель женского спокойствия. Не понимаю, о чем она, честное слово.

– Роберт, ты уверен, что не нужен еще один дубль? – спрашиваю я у режиссера.

– Все отлично. Отдыхай, Марк. Завтра в шесть на площадке. Много не пей, – он шутливо грозит мне пальцем, потом переводит грозный взгляд на Джимми и Сандру. – А вы, что встали, оболтусы? Работаем. Еще три сцены, а они даже текст не повторяют.

– Я наизусть знаю, Роб, – капризно надула губки Сандра, нехотя отлипая от меня. Я не намерен слушать их перебранки, поэтому покидаю эту чудесную компанию и иду в примерную, где могу принять душ, переодеться и немного перекусить, а потом свалить отсюда, возможно, прихватив с собой хорошенькую костюмершу.

Видимо, правильно истолковав мой взгляд, девушка явилась сама, даже придумав причину. Ей, видите ли, понадобился мой костюм. Феерия! Мой сгоревший одноразовый костюм, который обычно летит в урну сразу после трюка.

– Зовут как? – спрашиваю я, широко улыбаясь, прекрасно зная, как действует на противоположный пол моя улыбка. И пусть ямочка у меня только на одной щеке, но зато все зубы свои и на месте. Снимаю по частям то, что осталось от специально предназначенного для горения мембранного костюма. Моя кожа не пострадала. Это в принципе невозможно. Горит только наружная сторона мембраны. Я даже температуры не чувствую. Тут главное, правильно рассчитать время.

– Мэри, – девушка смущенно улыбается. Я снова оценивающе разглядываю ее. Она меня – совершенно голого. Вижу, что мы нравимся друг другу. Она несомненно замечает мою выдающуюся заинтересованность. Смущается еще больше.

Она блондинка. У меня к ним слабость. С юных лет. Роковое влечение к одной блондинке стоило мне семьи. Я был молод, горяч. Я не мог простить родителям, что они не простили меня, что оказались такими принципиальными и упертыми. И ее не простил, потому что не мог забыть долгое время. А вообще, глупо все получилось. Мы были слишком юными. Сейчас я не совершил бы прежних ошибок.

Почему я думаю об этом, глядя на красивую девушку, которая ждет от меня первых шагов или хотя бы слов, приглашения, да просто знака... Она блондинка, ее зовут Мэри. Маша по-нашему. Совпадения, которые не могут не вызвать ностальгию.

– Пойдешь со мной, Мэри? – спрашиваю я, бросая ей под ноги испорченный костюм.

– Хоть на край света, Марк, – улыбается девушка, поднимая реквизит.

Я удовлетворённо ухмыляюсь, направляясь в душ.

– Я имел в виду не квартиру или клуб, а душевую кабинку, Мэри. – произношу, не оборачиваясь. Захожу в ванную комнату, оставляя дверь открытой. Когда первые теплые струи попадают на мою кожу, я чувствую женские прохладные пальцы на своей спине. Мне нравятся девушки, которым не нужно объяснять, что к чему. Они не оставляют следов в душе и в сердце. Они дарят радость, удовлетворение и уходят. Чаще счастливыми, реже в слезах. Я никому из них не лгу, и, если после пяти свиданий девушка мечтает о кольце, то у нее что-то не в порядке с логикой.

С Карлой Грин вышла загвоздка. Ничего, что я думаю о другой, пока очаровательная Мэри работает своими сочными губами? Карла – известная супермодель и красавица. Этого мало, чтобы меня очаровать, но достаточно, чтобы я захотел с ней переспать. Это было банально. Клуб, вечеринка. Бурная ночь и тяжелое похмельное утро. Она ушла, не дождавшись пока я проснусь. Не пыталась написать свой телефон на моем плече, хотя на тот момент там уже и места не было. Люблю татуировки. Руки забиты почти полностью. Она просто по-тихому свалила. Я, можно сказать, и лица ее не запомнил. Но когда через пару месяцев встретил, Карла сама напомнила. Мы повторили сюжет. Клуб, секс, утро, свалила. И так повторялось раза три. На пятый раз мы все-та-

ки обменялись телефонами. Так и живем. Она в Милане, я в ЛА. Встречаемся, когда удастся вырваться, пару раз отдохали вместе. Никаких обещаний и заверений в вечной любви и верности. Не уверен, что это то, что нужно, но меня она не напрягает, и вещи ее, разбросанные в моих съёмных квартирах, не раздражают. Уже прогресс. И я не хочу, чтобы ее трахал другой парень, хотя не уверен, что этого не происходит.

– Милая, если не хочешь остаться без удовольствия, лучше встань, – произношу я, чувствуя, что старания Мэри практически привели меня к финалу нашей с ней разовой лавстори. Девушка не дура. Поднимается с колен и поворачивается спиной, опираясь ладонями на стеклянную стенку душевой кабинки. Классный разворот. И попец отменный. Она прогибается, когда я глажу ее спину. Красиво... На ее спине выбиты маленькие крылышки. Мои пальцы ласково, почти любовно гладят их.

Несоответствие так часто встречается в мире, в котором мне приходится вариться. Крылья ангела накалывают девочки, который готовы отдаться первому встречному парню. Вот так просто... Мне хорошо, я в малине, но остатки моральных ценностей, которые вложили в меня родители, все-таки порой вызывают к разуму, позволяя осознавать, как неправильно происходящее сейчас. Но, кто я такой, чтобы читать морали прогнившему обществу? Я принимаю правила. И не чувствую угрызений совести.

Возможно, завтра я захочу стать другим. Из моей жизни

пропадут разовые женщины, вечеринки, запрещенные препараты, постоянный экстрим и люди, которые рядом, пока ты пользуешься успехом.

Возможно, такое завтра никогда и не настанет.

Когда я заканчиваю с Мэри, она в изнеможении сползает на пол кабинки, я сажусь рядом и целую ее в лоб. Мне не хочется быть грубым.

– Спасибо, это было незабываемо.

Сколько раз я говорил эту фразу, прежде, чем уйти навсегда?

Есть ли в том, что мы с Мэри использовали друг друга для хорошего секса, который порадовал нас обоих, что-то аморальное? Мне так не кажется.

Я никогда не считал себя плохим парнем. И не был им. Моя жизнь сложилась так, как сложилась, и меня все в ней устраивает. Я свободен, никому ничего не должен. Я обеспечен и не обязан делить любовь самых близких людей с посторонними. Даже хуже – выпрашивать эту любовь. Пытаться заслужить.

Спустя годы, конечно, я понимаю, почему родители поступили так, как поступили. Они не думали, что я окажусь таким гордым и упертым, но я их родной сын, есть у кого учиться. Я столько раз пытался набрать номер отца. И только кажется, что просто сказать «привет, папа, это я – Марк. Прости меня. Я дурак.» На самом деле есть миллионы «но», которые не позволяют сделать решающий звонок, а

годы идут, и я понимаю, что, возможно, я могу не успеть, но что-то внутри все время мешает, останавливает. Возможно страх осуждения, непонимания, разочарования. Они хотели для меня другой жизни, другой судьбы.

Я тоже хотел много чего... Понимания, например. Безоговорочной любви.

Почему они не пытались найти меня? Ну, почему? Мне было девятнадцать. Мальчишка, который оступился, нарушив запрет, ну, и закон, конечно. Но так случилось. Произошло. Машка... она была невероятная. Я просто не смог устоять перед ней. Это молодость, которой свойственны ошибки и глупости. Хотя я никогда не считал Машу глупостью или ошибкой. Из всех детей, которых благоденствовали мои родители, она была мне ближе всех. Не сестра, никогда. Нет. Подруга. Потом девушка, от которой у меня крышу снесло напрочь. Мы были сумасшедшие. Я чувствовал в ней тот же драйв, искру жизни, бунтарство и жажду адреналина, что и во мне.

И когда нас поймали, облив не грязью, а ледяным презрением, я понял, что у нас не будет никакого шанса... Не в этом доме, где я уже не мог дышать под гнетом правил, бесконечных репетиторов, новых курсов, обязанностей, четкого распорядка. Над Машей нависла угроза вернуться в интернат. Хотя лукавлю. Отец угрожал мне, говорил, что, если я не одумаюсь, то он заявит на меня в милицию. Не думаю, что родители сделали бы это. Но тогда мы были напуганы

и молоды. Я не мог ей ничего предложить. Положа руку на сердце, могу сказать, что, собирая вещи, я о Маше, вообще, не думал. А когда она явилась ко мне, банально испугался. Она говорила о любви, о каких-то чувствах между нами. Я же только начинал жить. Передо мной маячили перспективы, Голливуд, а Маша... она – просто Маша, просто в прошлом. Я поступил тогда жестоко, но юность не знает жалости. Сейчас мне кажется, что это был своего рода защитный рефлекс. Я стремился отодрать с мясом все, что держало меня в России. Я, как маленький мальчик, хотел топнуть ногой, заявить о себе. Я устал быть чьим-то планом, источником надежд и амбиций. Родители лепили из единственного сына гения, вундеркинда, пичкали новыми знаниями, опробуя на мне различные программы обучения. Знаю, что они хотели лучшего для меня.

А я просто хотел кататься на велосипеде, лазать по крышам, драться с мальчишками, гонять на мопеде и ходить на голове. Я хотел, чтобы у меня были нормальные родители и нормальная семья, а не показательно-благотворительное учреждение. Наверное, я эгоист. И мой переходный период обнажил кое-какие недочеты, прорехи в воспитании. Я слетел с катушек, ушел из-под контроля.

И до сих пор не вернулся.

Как странно, что небольшой эпизод с блондинкой Мэри обнажил старые раны. И в последнее время подобное случилось все чаще. Я думал о родителях, о Маше. Позвонить, на-

писать отцу или матери я не осмеливался. С Машей та же история. Раз десять начинал набирать ее в поиске контактов, в интернете, и каждый раз на последних буквах... стирал.

Мне хотелось бы ее увидеть. Посмотреть, какой она стала. Маленькая Джульетта. Балерина. Изящная фигурка, большие лазурные глаза, белые волосы, которые, как фата. Красивая настолько, что сердце щемило. Возможно, я был страстен, но забыть ее, сидящей в летнем домике в позе лотоса, прикрытой только белоснежными локонами, было невозможно. Первые пробуждающиеся чувства, запретные и от того еще более острые и оголенные. Я должен был держать себя в руках, но мне было девятнадцать... Слишком мало, чтобы здравый смысл мог взять верх над первой настоящей страстью. Вряд ли ее воспоминания пропитаны ностальгией и грустью, как мои. Может быть, с годами Маша смогла понять, что я не мог взять ее с собой. И мой некрасивый поступок был вызван смешанными чувствами, в которых боролись влечение к ней и желание уничтожить это влечение на корню.

Таких историй миллион. Сколько девушек и парней прошли через неудачные отношения в нашем возрасте? Разница только в том, что мы никогда не были случайными друг для друга. И эта связь, даже через океаны, никуда не делась. Не стёрлась и не покрылась пеплом. Я не думаю о ней каждый день. Конечно, нет. Мне и не нужно. Просто чувствую, что она где-то живет, радуется, плачет. Может быть, кого-то лю-

бит. И я желаю ей счастья. От души, от сердца. По-настоящему.

Глава 4

Мария

– Черт, я убью Вадима. Второй незапланированный выход. Я вообще без ног, – бросаю на ухо своей напарнице, слезая со сцены. Вика лишь ведет плечами, скользнув по мне бесстрастным уставшим взглядом.

– Чего ты жалуешься, Красавина? Тебе заплатят за лишний час? Заплатят. Радуйся. Все время недовольна, – фыркает Вика.

Мы вместе заходим в нашу комнатуху, где можно перевести дух, освежиться, поправить макияж.

– Работала, кстати, ужасно, – сообщает «подруга».

Я снимаю темный парик, освобождая из-под строгой резинки родную гриву, усаживаясь перед зеркалом.

– Сама знаю, – соглашаюсь я. – Устала сегодня.

Взглянув на часы, выдыхаю с облегчением. Четыре утра. Клуб через полчаса закроется. Можно спокойно снимать макияж, отклеивать ресницы... Моя тяжелая голова мечтает о подушке, а измученное тело о горячем душе. Только беру из упаковки ватный диск, как дверь коморки распаивается и на пороге появляется Вадим Иванов, мой босс, управляю-

щий клубом.

– Стоп, Красавина, – подскочив, он выхватывает диск и метко попадает в урну. – Там один чел просит приват.

Я выразительно закатываю глаза, раздраженно фыркнув. Серьезно? Мы миллион раз обсуждали этот момент. Мне хватило одного раза, чтобы слухи до сих пор бежали впереди меня.

– Нет, – ровным непоколебимым тоном говорю я, доставая еще один ватный диск. – Вадик, ты как маленький. Мне на лбу у себя написать. В випах не танцую.

– Он тысячу баксов дает, – торжественно объявляет Иванов, поглядывая на меня с нескрываемым превосходством и уверенностью.

– Хмм. Сколько? – Заманчиво, блин. Обычная цена не больше ста баксов.

– Тысячу. И он уже заплатил. Семьсот твои, если пойдешь, – подначивает Вадик. Змей-искуситель.

– Маньяк какой-нибудь? – с подозрением спрашиваю я.

– Не похож. Приличный, – пожимает плечами Вадик.

– Все они приличные, – ухмыляюсь я. Черт, мне очень нужны деньги. И станцевать перед очередным извращенцем мне не слабо. Камеры везде. Не тронет. Просто не хочу снова переступить табу. Но есть такое слово «надо». Особенно сейчас. Пять минут позора, и я могу не работать две-три недели по ночам.

– Вадим, если Машка не хочет, я пойду, – раздраженно и

немного завистливо глядя на меня встречается Вика. Убила бы сучку. Я уже мысленно все деньги потратила.

– Не, я предлагал. Он ее хочет, – Иванов тычет в меня пальцем.

– Хрен с вами. Я иду, – резко встав на ноги, решаюсь я. Взглянув на парик, тянусь к нему, но в последний момент одергиваю руку. Хочет, чтобы я танцевала? Станцую, а уж в каком виде, это уже вопрос второстепенный. Главное, за все уплачено.

Вадим сам вызывается сопроводить меня к щедрому гостю, которого я про себя уже окрестила «извращенцем». Проходя через небольшой зеркальный коридор, я пожалела, что не надела костюм жар-птицы. Ткани в нем побольше, чем сейчас на мне. Не скажу, что я совсем раздета. Черные укороченные кожаные шорты, корсет, поддерживающий грудь, пиджак с шипами на плечах и высоченные шпильки. Жесть, конечно. Молчу о колготках в крупную сетку. Выглядит вульгарно, но, когда мы с Викторией танцуем на сцене, я как-то об этом не думаю. Мы не снимаем ничего, кроме злосчастного пиджака, и нас не лапают. Это не стриптиз, но парни упорно пытаются заказать приват со мной или с Викторией. С Викторией чаще, потому что она соглашается.

Возле дверей вип-комнаты, Вадик останавливается, поправляет мои волосы.

– Хоть бы причесалась, а? Что за неуважение к клиенту? – проворчал он, нажимая на ручку, и практически толкая

внутри, – Не бойсь, все под контролем. – успел шепнуть он мне в спину. Засранец! Если что-то пойдет не так, он у меня получит по первое число.

Заказчика я замечаю сразу. Он сидит на дальнем диване. Смотрю на него, пытаюсь рассмотреть в полумраке. Пялиться по сторонам смысла нет. Я здесь не впервые. Небольшая квадратная комната с зеркальными стенами, светодиодным и лазерным освещением, которое на данный момент максимально приглушено. Хрустальный шар переливается огнями над круглым устойчивым столом, который девочки обычно называют помостом.

Конечно, направляюсь к рабочему месту... походкой от бедра. Что-что, а двигаться эротично я умею. К каблукам привыкшая. Если нужно, и от маньяка убегу даже на двадцатисантиметровых шпильках. Улыбка профессиональная, широкая, дежурная, фальшивая. На заднем фоне звучит что-то тихое, развратное. Пофиг. Парень заметно напрягается, я замечаю, как он наклоняется вперед, кладя красивые рельефные руки на свои джинсовые колени. Он стройный и судя по стилю в одежде, не старый; спортзал посещает, если внимательнее посмотреть на открытые участки рук. Благо футболка позволяет разглядеть подробности. Забираясь на стол, я смотрю на него сверху-вниз, немного дерзко, но по-другому не умею. Замечаю тень улыбки на лице, внутри тревожно щелкает, и когда луч лазерного прожектора падает на него, выхватывая из тени черты лица, я от потрясения

теряю дар речи.

Солнцев.

Вот дерьмо.

И похоже, говорю это вслух.

Дмитрий

– Красавина, как тебя в институт приняли с таким словарным запасом? – справившись с удивлением, которое вызвало экстравагантное появление моей студентки, я наконец-то начинаю понимать, что так сильно меня в ней зацепило. Точечные бесконечно-стройные ноги на расстоянии протянутой руки вызывают стойкое желание прикоснуться, потрогать, а еще лучше закинуть на свои плечи. Я просто не могу оторвать от них взгляд. И черт, у меня так стоит, что я едва сдерживаю порыв поправить ноющую эрекцию, болезненно упирающуюся в джинсы. И в таком состоянии я нахожусь уже несколько часов, наблюдая, как она работает на сцене. Блондинка она или в парике – неважно. Каждое ее движение действует, как разряд тока, как чистый афродизиак. Я прожил тридцать три года и даже приблизительно не испытывал подобного шквала эмоций, направленного на одну женщину. Это даже начинает меня бесить. Не знаю, какого лешего я уговорил управляющего на приват с Красавиной, потому что, судя по ее выражению лица, она мне не рада, и сбросить стресс по-быстрому у меня вряд ли выйдет.

– Дмитрий Евгеньевич, а разве мы переходили на «ты»? – переборков первоначальный шок, насмешливо бросает Мария. На ней столько макияжа, что хочется взять мокрое полотенце и смыть все, вернув красивые и изящные черты лица, которые я уже хорошо изучил на своих лекциях.

– Ты стоишь передо мной в трусах, Красавина. Не вижу смысла отбивать вежливые поклоны.

– Вы такой нудный, Дмитрий Евгеньевич и говорите, как мой брат священник. Где вы учились? В приходской школе?

– В МГУ, дорогая Маша.

– Я вам не дорогая..., – демонстративно фыркает Мария.

– Я бы так не сказал, учитывая то, что мне пришлось выложить за то, что ты еще даже не начала, две тысячи.

– Вот ублюдок! А мне сказал, что одну, – снова ругается она. Ох уж этот язычок!

– Что? Продешевила, куколка? Я дам сверху еще одну и лично тебе, если разрешишь прикосновения, – нагло выдаю я, понимая, что в ответ можно ожидать самую непрогнозируемую реакцию.

– Я не стриптизерша, – ледяным тоном отрезает девушка. С некоторым облегчением я перевожу дыхание. Ожидал худшего.

– Ты же сама сказала, что не леди. Значит, строить недоτροгу глупо. Я запомнил, куколка, как обещал, – усмехаюсь в пылающее от негодования лицо.

– Что, совсем туго, да? Твоя, сто пудов нравственная за-

мороженная подружка, не дает потрогать за задницу? А как же девочки-студентки? Ты только попроси. Любая даст, – с презрительным псевдо-сочувствием кивает она, щелкая пальцами в камеру, и тут же комнату наполняет мелодия. Что-то чувственное и медленное. Гортанно-хрипловатое. Сексуальное. Я не меломан, поэтому не силен в познаниях современных исполнителей. Но мне однозначно нравится.

– А ты? – хрипло спрашиваю я, облизывая пересохшие губы, глядя, как ее совершенное, стройное, хрупкое и гибкое тело эротично двигается под музыку.

– Что я? – наиграно-равнодушно спрашивает она, присаживаясь на корточки, и пробегая кончиками пальцев по моей щеке. Я подаюсь вперед, глядя в васильковые глаза, которые в неоновых огнях кажутся фиолетовыми. Меня просто накрывает. Безумие.

– Ты дашь? – конкретизирую я, вспомнив, о чем мы говорили... Мария закусывает нижнюю губу, и я судорожно втягиваю воздух. Ее взгляд полон тумана. Я не доверяю своим инстинктам, но мне кажется, что девочка всерьез раздумывает над моими словами. Я безумно хочу ее, но мне не нравится мысль, что она может вот так... с любимым и за деньги. В ней есть что-то большее, что цепляет меня сильнее внешне привлекательной оболочки.

– В университете знают, что вы пытаетесь залезть в трусы своим студенткам? – спрашивает она неожиданно резко, толкая меня в грудь обеими ладонями. Я улыбаюсь, наслаждаясь

игрой, красивой девушкой с дерзким язычком, танцующей для меня, и не перестающей сквернословить и хамить. Она плавно скользит изящными кистями по своему телу, оглаживая бедра, грудь, обхватывая себя за плечи, не переставая вертеть упругой подтянутой задницей. Откинувшись на спинку дивана, я почти не дышу, чувствуя, что еще пять минут и мне придется свернуть спектакль. Интересно, я один так на нее реагирую?

Она гладит внутреннюю сторону своих бедер, снова приседая и развратно раздвигая колени. Черт. О, черт... я обычно не ругаюсь, но это просто край. Снисходительная улыбка мгновенно сползает с моего лица, потому что стерва занимается форменным издевательством и прекрасно это понимает.

– Нравится, Дмитрий Евгеньевич? – вызывающе облизывая ярко накрашенные губы, спрашивает она. А это пошло, куколка. – Станцевать у вас на коленях?

«Только через мой труп» – мелькает в голове, но она уже встает своими каблуками на диван и ее кожаные трусы или шорты оказываются прямо перед моим лицом. Она хочет, чтобы я потерял контроль, хочет спровоцировать меня. Не дождется, я не дам себя вывести отсюда службе секьюрити. Не выйдет, крошка.

Все становится в разы хуже, когда она садится на мои колени, развернувшись спиной ко мне, и ее божественная задница опускается прямо на мой окаменевший от шока и по-

трясения член. И мне сейчас реально не смешно. Я вижу, как она делает какой-то знак в камеру. Я так понимаю, что выводить меня сегодня не будут. Светлые волосы бьют меня по лицу, пока она елозит на моих коленях, доставляя мучительное удовольствие.

– Черт, куколка, ты меня убьешь, – шепчу я, толкаясь бедрами вперед. С губ срывается неконтролируемый стон, когда она снова трется о каменную выпуклость на джинсах.

– Вам очень нравится мое выступление, как я посмотрю, – прерывисто выдыхает Красавина. Сучка. Еще издевается. Не могу больше... Плевать на камеры. Толкаю ее вперед, грудью на стол. Не сильно, но достаточно грубо, чтобы она поняла, что шутки кончились. Вжимаюсь эрекцией между раздвинутыми бедрами, оглаживая попку, которая теперь полностью в моих ладонях. Сжимаю ее ягодицы, толкаясь снова.

– Я могу тебя трахнуть? – наклоняясь шепчу я в ее затылок, не прекращая судорожных движений. Она что-то невнятное мычит, отрицательно качая головой. – Ты меня довела, понимаешь?

Переворачиваю ее лицом к себе. Теперь она верхом на столе. Лицо покрасневшее, губы призывно блестят. Я резко раздвигаю ее ноги, притягивая к себе. Мы, наверное, нарушили все правила, но никто не бежит ее спасать. Ублюдки. Мне ничего не стоит поиметь ее, и они даже не чешутся. Обхватываю ладонью ее затылок, запрокидывая голову. Она тяжело дышит, и выражение глаз выдает маленькую плутов-

ку с головой. Куколка тоже завелась.

– Доигралась? – хрипло спрашиваю я, медленно опуская руку в глубокое декольте, резко дергая его вниз. Маленькая упругая грудь с задорно торчащими сосками оказывается прямо перед моим лицом, во власти моих губ. Я лижу ее соски, чувствуя, как она начинает снова двигаться, прижимаясь ко мне, трется о член, тихо постанывая. Никакая музыка не заглушит эти волнующие пронизывающие до мурашек звуки. Ее руки на моих бедрах... Черт. Я набрался у нее этих гадких словечек. Ее тлетворное влияние. Опускаю руку между нашими телами, забираясь в кожаные шорты. Натираю ее клитор, чувствуя, как она течет. Как изгибается, дрожа и хныкая. У меня крышу уносит напрочь, кусаю ее за сосок и потом впиваюсь в приоткрытый в стоне рот. Я хотел поцеловать сочные губы Красавиной с первого момента, как увидел ее. Этот поцелуй еще развратнее, чем секс, куда развратнее, чем любой секс, что у меня был до нее. Или у нас сейчас не секс? Тогда что это? Мой член дергается, приближаясь к разрядке, которую я пытаюсь удержать. Усиливаю трение разбухшего клитора, одновременно вжимаясь членом в ее промежность... Долбанная ткань.

– Ах, ты сволочь, – стонет она мне в губы, резко выгибаясь. Кажется, мы перешли на «ты». Ее тело дрожит, когда она кончает, я не могу смотреть... это просто полный снос здравого смысла. Я прижимаю пальцы к ее клитору, чувствую пульсацию ее удовольствия. Черт, мне нужно быть в ней. Я

так в этом нуждаюсь. Трусь эрекцией о ее бедро, хрипло, урывками втягивая воздух. Это горячо, бурно, невозможно. Опускаю глаза вниз, глядя на свои пальцы, покрытые ее влагой, и прозрачные капли, стекающие по ее раздвинутым бедрам. Это все... Снова целую ее истерзанный моими губами рот, и глухо стону, содрогаясь. Это какой-то триндец.

– О, черт, куколка. Я кончил, – кусаю ее губу, и снова горячо целую, проникая языком. Она такая невыносимо сладкая. У меня снова встает, несмотря на дискомфорт и сырость в джинсах. Позорище. Она хохочет, как одержимая, а мне совсем не смешно. – Я хочу еще. Поехали ко мне.

– Ты себя видел? Мачо с пятном на штанах? – она все еще нервно смеется, отталкивает меня и прыгивая на пол.

– Эй, ты серьезно, сейчас просто уйдешь? – спрашиваю я, чувствуя, как в груди закипает гнев.

– Да. Ты просил потрогать. Я дала тебе потрогать, – пожимая плечами, заявляет маленькая бунтарка. Ее бедра все еще мокрые от возбуждения и оргазма, который я ей подарил, а она уже дерзит. Ну, не сучка ли?

– И многим ты даешь потрогать? – выразительно окинув ее взглядом, презрительно спрашиваю я. Девушка оправляет одежду, невозмутимо глядя на меня.

– Даже если так, твое какое дело?

Вздернув подбородок, она с вызовом встречает мой взгляд и какое-то время мы молчим, ощущая, как между нами сыплются искры.

Я залезаю в задний карман джинсов и достаю бумажник. Отчитываю тысячу долларов и подаю ей, не разрывая зрительного контакта. И эта сучка их берет, убирая в декольте.

– Было мило. Спасибо, – кивает она, направляясь к двери. Я беспомощно смотрю, как девушка, которая только что поимела меня во всех смыслах за мои же деньги выходит за дверь, все так же вызывающе виляя задницей.

Когда дверь за ней захлопывается, я впадаю в легкий ступор, потом начинаю нервно смеяться. Вот это я влип.

Мария

Как только я оказываюсь в пустой примерке, вся бравада и уверенность летит к черту. Меня начинает реально трясти от перенесенных эмоций. От стыда. Похоти. Желания вернуть время назад и отказаться от приват танца. Поздно. Сама не знаю, как так получилось. Я не хотела... или хотела. В голове кавардак, коктейль из противоречивых эмоций. Не знаю, что со мной сделал этот зазнавшийся Солнцев, но я потеряла контроль, вела себя... Тьфу.

Это хуже, чем любая другая позорная ситуация в моей жизни. Но то, что произошло между нами... как наваждение, меня прострелило мощное эротическое безумие. После стольких лет полного равнодушия к сексу, за считанные минуты напрочь снесло крышу. Малоизвестный парень. Нет, взрослый мужик. С деньгами, связями. Адвокат. Педагог.

Гавнюк, каких мало. Он точно решит, что я шлюха. В голове снова и снова звучат его слова... «кончил», «хочу еще». Кажется, я тоже хочу, но уже по-настоящему. Что за безумие?

Может, стоило согласиться? Что я теряю? Все равно уже опозорилась. После такого фиаско не отмоешься. С первой минуты, когда я поняла, кто он, моя голова выключилась и включилась совершенно другая часть тела. Какой стыд. И самое противное, что все это время за нами наблюдали в камеры. Снова поползут сплетни, но теперь обоснованные. Я все-таки позор семьи, тот самый «урод», без которого не обходится ни одна образцовая семья.

– Ну, ты отожгла, девочка, – заглядывая в гримерку, пристыдив, ухмыляется Вадим. Бессильно зарывав, показываю ему средний палец руки.

– Гони еще штуку, Вадик, – разгневанно требую я.

– Семьсот, малыш. За такое шоу я бы и сам отдал, могла бы не просить.

Смирнов заходит внутрь, закрывая дверь. Как-то по-новому смотрит на меня. Его настойчивый взгляд напрягает, если честно. Мы сто лет знакомы, и Вадик никогда не подкатывал.

– Держи, – протягивает мне бумажки, но, когда я тянусь, резко убирает руку в сторону.

– Слушай, может, и для меня так отработаешь? Накину еще пятьсот.

– Пошел ты, – пренебрежительно фыркая, демонстратив-

но отворачиваясь. Смирнов примирительно берет меня за руку, вкладывая в ладонь доллары.

– Ладно, не сердись. Сразу бы сказала, что вы с ним знакомы. Я все понимаю.

– Серьезно? – скептически смотрю на Вадика, приподняв бровь. Его худое лицо вытягивается еще сильнее.

– Но это было шоу не для слабонервных. Не думал, что ты так можешь. Круто. Реально круто. Ты закроешь тут сама всё? Я пойду.

– Давай, Вадик. Закрою, – махаю на прощание рукой.

Остаться в пустом клубе мне не в первой. Я чувствую себя здесь, как дома. Принимаю душ, привожу себя в боже-ский вид, натягиваю джинсы и свитер, любимые кроссовки, кое-где уже изрядно потертые. Волосы заплетаю в простой хвост на затылке.

Странно, но после горячего душа, мне немного полегчало. Отпустило, что ли. Две штуки баксов помогли справиться с угрызениями совести. Я утешаю себя мыслью, что больше не увижу возмутителя своего спокойствия, а значит, и переживать не о чем.

Собрав сценические костюмы в спортивную сумку, проверяю все двери и окна, ставлю помещение на сигнализацию и часов в семь утра выхожу, наконец, в весеннее прохладное утро. Это была тяжелая ночь, но она кончилась. Слава Богу. Всё на месте, кроме моей совести.

В этот момент я действительно верила, что история с

Солнцевым канет в лету, как только настанет новый день.

Но я ошиблась. У черного входа стоял черный спортивный Ламборджини с откидным верхом. Я бы прошла мимо... Могла бы.

Если бы не огромный букет роз на переднем сиденье. Не меньше ста штук, необъятный просто. Я такие букеты только в кино видела. И мужчин таких, если честно, тоже. У меня внутри все перевернулось, когда я посмотрела на спящее лицо Солнцева, который слишком долго меня ждал и уснул. Можно, конечно, посомневаться, построить из себя фифу или дуру, попытаться набить себе цену...

Он ненормальный просто. Как его не ограбили? Я тихонько подошла к водительскому сиденью, тайком разглядывая точеные скулы и густые ресницы. Когда-то Марк казался мне эталоном мужской красоты, но сейчас его лицо стерлось из моей памяти, стало размытым, далеким, как сон. Слишком долго я ждала его. Слишком долго мечтала о придуманном парне, которому было плевать на меня. Я жила вымышленной ненастоящей жизнью. Отталкивала людей, которые хотели любить меня, которых могла бы полюбить я.

И все-таки мне было грустно отпускать детские мечты, наши с Марком ошибки и полные безумия ночи. Я уже забыла, как это было, но я помню главное – я любила его, моё сердце рвалось из груди, когда он просто проходил мимо, ел, пил, смотрел телевизор, гонял на мотоцикле.

И в череде внезапно обрушившихся на меня воспомина-

ний момент первой встречи казался особенно важным. Я вошла в дом Красавиных маленькой совсем... И сразу загремела в больницу. Следующие два года меня возили по врачам, несколько операций на открытом сердце. Я не помню боли или страха. Только мамины слезы и теплые руки. Они святые люди, наши родители. Марка и других детей привели в больницу, когда меня уже перевезли в Тверь. Они по очереди подходили и целовали меня, пытаясь приободрить, но я не реагировала. Все мне казались чужими, кроме... Марка. Он один не поцеловал меня, а сел на стул, внимательно глядя на повязку, перетянувшую мою грудь.

– Скажи-ка, малявка, а шрам останется? – спросил Марк. Я пожалала плечами.

– Наверное.

Он улыбнулся, показывая очаровательные ямочки на щеках. Одну ямочку, но зато какую милую.

– Если кто обижать или дразнить будет... Ты мне скажи, я разберусь, – заявил Марк.

– Хорошо, – кивнула я, улыбаясь в ответ. Он взял мою руку, тихонько сжав и сидел рядом, говорил, как с ровесницей. Шутил и смеялся. Мне было легко с ним. Я полюбила его сразу. Беззаветно. На всю жизнь, как мне казалось.

А сейчас я стою, глядя на сексуального красивого мужчину, который почти три часа ждет меня с охрененным букетом роз, почему-то продолжая вспоминать, то, что давно покрылось пылью забвения. И мне грустно...

Я понимаю, что меня ждут перемены, которые перевернут мой мир с ног на голову.

– Дмитрий Евгеньевич, вы заблудились? – прочистив горло спрашиваю я. Он вздрагивает, открывая глаза. Протирает лицо ладонью, сонно моргая.

– Маш, ты долго. Там тебе цветы. Ты извини, если что. Садись, в общем, – нажимает кнопку на панели, и дверца поднимается вверх. Присвистнув в восхищении, я сажусь, двумя руками тяжеленный букет и перекладывая его назад. Дверца закрывается. Мы с Димой смотрим друг на друга, улыбаясь, как два идиота.

– Ко мне? – спрашиваю я.

– Куда скажешь, Маш, – кивает он, резко трогаясь.

Глава 5

«Всё замирало внутри от её смеха, от её голоса, будто он стоял на пороге вертолётки на совсем не учебной высоте и собирался прыгать впервые в жизни с парашютом, без инструктора, без обучения; где учат любить?»

Никки Каллен, «Арена»

Дмитрий

Я уже и забыл, что существуют такие маленькие квартиры. Оказавшись в комнате, которая умещала только ветхий диван, стол, кресло и двустворчатый шкаф, я пожалел, что не увез Красавину к себе. Повсюду коробки. Наверное, переехала не так давно. Оглядев унылую обстановку несколько раз, тяжело вздыхаю, и вымученно улыбаюсь, заметив, что Маша напряженно наблюдает за моей реакцией.

– Не нравится? Домой поедешь? Я не держу, – тут же встанет на дыбы. Взрывоопасная девочка. В два шага настигаю ее, беру пальцами одной руки за скулы и целую так, что мы оба начинаем задыхаться.

Она отстраняется первой. Щеки алые, зрачки широкие, губки припухли. Снова целую, лизнув нижнюю языком. Она стонет мне в рот, когда я хватаю ее за попку и прижимаю к

своему паху.

– Ты в чистых джинсах. Рядом живешь? – спросила она, снова отстранившись.

– С тех пор, как тебя увидел, всегда беру с собой запасные, – с улыбкой говорю я, расстегиваю пуговицу на ее джинсах. Она шутливо бьет меня по пальцам.

– Врете, Дмитрий Евгеньевич, – хихикает она.

– Умело врать – моя работа, дорогая Мария. И твоя тоже.

В будущем.

– Я не хочу быть адвокатом.

– Что делаешь на юрфаке?

– Сплю. Ты же видел.

Она снова смеется, откинув голову. Я зарываюсь ладонями в шелковистые локоны, перебирая их пальцами.

– Ты такая красивая, – шепчу я хрипло, целуя ее шею. Она обнимает меня за плечи, увлекая за собой на ковер. Ее ладони забираются под мою футболку, пока, стоя на коленях я стягиваю с нее джинсы. Я бросаю их в сторону и замираю, глядя на нее. Она гладит мой пресс, приближаясь к ремню на джинсах. Опираясь на одну руку, свободной я отодвигаю в сторону ткань ее белых трусиков, провожу пальцами по влажной промежности, нажимая на чувствительный бугорок. Мария приподнимает бедра навстречу моей руке, пока ее пальцы нервно пытаются справиться с моим ремнем. Она явно неопытна в раздевании мужчины.

– Расслабься, – шепчу я, замечая, как она немного зажи-

мается, когда я начинаю ритмично ласкать ее клитор. При свете дня она не такая смелая. Я помогаю ей. Сам расстегиваю джинсы спуская их вниз, выпуская на волю свою эрекцию. Слишком много прелюдии на сегодня, мне необходимо взять ее, как можно быстрее. И судя по тому, как Маша постанывает и в нетерпении кусает губы, она хочет того же.

Развожу ее ноги, притягивая к себе за упругую попку. Снова сдвигаю в сторону намокшие трусики, потом просто сдираю их с нее напрочь. Ударяю по клитору головкой члена. Она вздрагивает, издавая сдавленные звуки.

– Боже... так хорошо, – выдыхает она, когда я толкаюсь во влажную глубину. И громко вскрикивает, когда я заполняю ее полностью. Сжимаю зубы, чтобы не закричать, настолько это остро, жарко, туго...

– Невероятно просто, – выдыхаю я, со звучным шлепком ударяясь снова между ее раздвинутых ног. – Ох*ть...

– Как не стыдно, вы материтесь, мистер адвокат, – сдавленно смеется она, глядя вниз, туда где соединяются наши тела.

– Ты довела, девочка, – с хриплым стоном выдыхаю я, ощущая каждой веной ее горячий жар. Пальцы находят ее клитор, и она кричит, не сдерживая себя. Я тоже. Феерия, помешательство.

Мы взлетали и падали, ныряли, задыхаясь от восторга, и поднимались на поверхность, опустошенные. На миг, чтобы снова броситься в этот бешеный омут чувств, ощущений,

крышесносного эротического дурмана.

Это длится бесконечно. Могло бы длиться... Если бы не работа. Реальность никто не отменял.

В два часа дня мне звонят из университета, спрашивая, по какой причине меня нет на курсах, которые я должен читать. Разговаривая по телефону, я с тоской смотрю на дверь ванной комнаты, за которой меня ждет голая Мария Красавина. Господи, я взрослый ответственный человек, профессионал с безупречной репутацией. Я никогда в жизни не опаздывал, жил по плану, не совершал глупостей...

Что, вообще, происходит?

Я сползаю с дивана, который так скрипел под нами, что, наверное, все соседи в курсе, чем занималась их соседка полдня. Сегодня же закажу для Марии новую кровать. А прямо сейчас мне нужно воспользоваться ванной комнатой. Я уже там сегодня был, и понимаю, что вдвоем там можно поместиться, только прилипнув друг к другу. Да, я не против...прилипнуть.

Мария

Я слышала, как звонил телефон Солнцева. Как раз настраивала душ, когда раздалась резкая мелодия его звонка. Я не закрыла дверь, и не торопилась выходить. На меня напало странное ощущение нереальности: что я выйду из ванной комнаты, и все окажется сном. Пустая квартира, зава-

ленная неразобранными вещами. После пережитого физического и эмоционального всплеска, я ощущала себя совсем иначе. Даже отражение в зеркале изменилось. Мне не хотелось думать, искать названия и оправдания случившемуся, анализировать, сомневаться. Я хотела одного – прожить этот день так, как хочу. Я была счастлива, да... Может быть, я легкомысленная, но мне было удивительно хорошо с мужчиной, которого я едва знала, но успевшего пробудить все мои спящие чувства и желания.

Но самое опасное заключалось в том, что я не хотела, чтобы волшебство кончалось. Не хотела быть случайной и очередной, попавшейся под руку.

– Привет. Помочь? – сначала по моей спине прошелся ветерок, когда открылась дверь в ванную, потом уже я услышала его низкий чувственный голос, от которого все мое тело покрылось мурашками. Все мое размягченное удовольствием, уставшее, но такое легкое, обольстительное и невероятно сексуальное тело. Нескромно? Это не я, это он мне сказал.

Его горячие пальцы ложатся на мою талию, когда он забирается в крошечную кабинку, поворачивая меня к себе лицом. На наши лица льются струи воды, и, когда он целует меня, я слегка захлебываюсь, потому что вода попадает в нос. Дима смеется, толкая меня на стену, спасая от утопления... Мы хохочем и снова целуемся. Мои руки гладят его сильные плечи, мускулистые, надежные. Он скользит ладонями по моим бедрам, груди, плечам. Мой взгляд опускается вниз,

исследуя его пресс. Не как с обложки, но рельеф однозначно ощущается. Мне нравится в нем все. Он красивый, умный, сексуальный. Я снова хочу его. В который раз за сегодня? Солнцев сочтет меня оголодавшей, но ведь так и есть. И его не нужно просить. Он знает. Каким-то невероятным чутьем чувствует, что я хочу, как и когда. Его пальцы, задевая клитор, проникают в мое лоно, снова и снова, и я тихо стону, закрывая глаза, полностью отдаваясь ощущениям.

– Тебе звонили. Нужно уходить? – спрашиваю я, когда он закидывает мою ногу на свое бедро, убирая пальцы, и я чувствую его полностью готовый член у самого входа. Я толкаюсь на встречу, не в силах ждать. Мне нужно это удовольствие. Мы оба знаем, что сейчас он никуда не уйдет. Он во мне... уже почти...

– Я хочу... – хнычу я, пытаюсь получить желаемое, потираясь клитором о твердый, горячий член. Он обхватывает мои скулы, целуя в губы, лаская их языком и посасывая. Дразнится. Распластав меня по стене, он неожиданно одним толчком полностью заполняет меня до самого упора, мы оба стонем от изысканного и мощного наслаждения, обрушивающегося на нас вместе с горячими струями.

– Невероятно... – бормочу я. Снова и снова, пока очередной оргазм не лишает меня последних сил. Но мой супермужчина держит меня. Он сильный. Он не даст мне упасть.

Я так думала... я верила в это. Я не учла другое. *Даже самого сильного мужчину может сломать женщина, если*

он любит ее, по-настоящему любит.

Я не слышу и не вижу, как Дима уходит. Я сплю, завернувшись в одеяло, совершенно измученная сумасшедшей ночью и не менее сумасшедшим днем. Нужно закрыть за ним дверь, поставить цветы в вазу. Мы их так и бросили в прихожей. Но я ничего этого не делаю. Каждая клеточка моего тела молит о покое и отдыхе. Никаких сновидений. Я мгновенно отключаюсь.

Когда я открываю глаза, уже темно. Нащупываю на комодe телефон, чтобы посмотреть на время. Три часа ночи. Я проспала шесть часов. Чувствую, что мне еще нужно столько же. Включаю ночник, и сразу вижу свои божественные розы в ведре, возле стены. Не забыть бы завтра сделать с ними селфи и выложить, чтобы девчонки обзавидовались. Дмитрий Евгеньевич обо всем позаботился. И ключи тут же на комодe и визитка с его телефоном... Хмм. Серьезно? Он думает, что я из тех, кто звонит первой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.